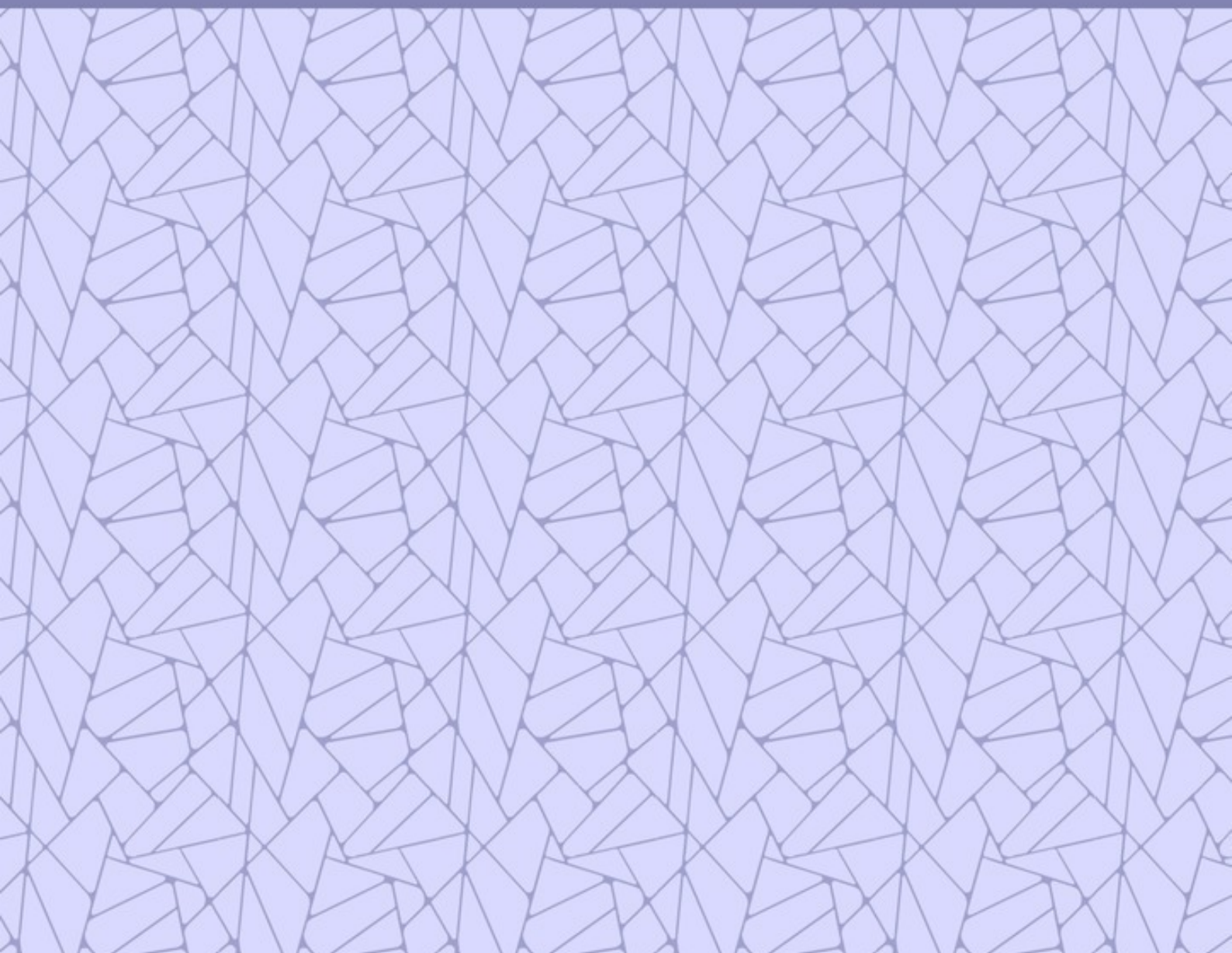

Михаил БАТУРИН

Свои планы у Господа

Сборник рассказов

Михаил Батурин

**Свои планы у Господа.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Батурин М.

Свои планы у Господа. Сборник рассказов / М. Батурин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901427-6

В сборник «Свои планы у Господа» вошли двенадцать рассказов, написанных автором в 2014—2017 годах. Часть из них основана на реальных событиях. Другие, что называется, навеяло происходящим вокруг. В любом случае все образы узнаваемы и реальны: они живут в соседних квартирах, ездят с нами в одном автобусе, стоят вместе в пробках, загарают на одном пляже. Они верят и ненавидят, смеются и скорбят, любят и умирают. Такая вот проза жизни...

ISBN 978-5-44-901427-6

© Батурин М.
© Издательские решения

Содержание

Папа пахнет ваксой	6
Капучино с корицей	8
Свои планы у Господа	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Свои планы у Господа Сборник рассказов

Михаил Батурин

© Михаил Батурин, 2017

ISBN 978-5-4490-1427-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Папа пахнет ваксой

Особенно больно почему-то, когда комар жалит в ладошку, ну или в костяшку пальца. Чешется и зудит гораздо сильнее. Сегодня это отвлекало Колю от главного. Они провожали папу. Папа у-хо-дил!

Они стояли в коридоре уже у дверей: мама, папа и Коля. Маришка спала в детской: как не крепилась, но папа ввёл жесткий режим, и она уснула по привычке. Да, и что с неё с малявки возьмёшь. А вот Коля был рядом: смотрел, как папа укладывает в вещмешок свёртки и пакеты. Мама, скрестив руки на груди, казалась явно не довольной происходящим:

- И всё-таки. Обязательно ехать тебе?
- Ты же знаешь, Катя, если не остановить их там, завтра они будут здесь!
- Володя, а что кроме тебя некому?
- Ты знала, за кого выходила замуж, – отрезал папа, затягивая вещмешок.

Форма на нём была уже не новая, поношенная, повыцветшая на солнце, но аккуратно отутюженная, а вот португепя скрипела и пахла кожей. Полевая сумка тоже была новой. Папа не дал посмотреть, что в ней, но Коля видел, как отец спрятал туда их общую фотографию: ту самую, где они вчетвером сфоткались, когда ездили отдыхать на море. А ещё у отца были идеально вычищены сапоги, и ваксы папа не пожалел, и отшлифовал бархатной тряпочкой так, что лучик солнца попадавший в коридор через балконную дверь, отражался от сапога, а народившийся солнечный зайчик скакал по стенам.

«Кукушка» на кухне оповестила о трёх часах.

– Колюшонок, пойдя, разбуди сестрёнку, пусть с папой попрощается до свиданья скажет. Не хорошо так, перед отъездом не увидеться.

– Давай сама, мне с сыном поговорить надо.

Мама ушла в детскую, а отец притянул мальчика к себе, обнял:

– Ну, что Николай Владимирович, остаёшься за старшего мужчину. Матери с сестрой помогай, ей всего два годика, а тебе уже десять скоро. Можешь и за себя постоять, и женщин наших в обиду не дать. Зарядку по утрам делай, на отжимания налегай, пробуй на кулаках. В школе на математику обращай больше внимания, на историю. Мужчине это важно. Игры кончились, сынок. Будь готов стать взрослым уже сейчас.

– Хорошо, папа, – Коля смотрел на отца снизу вверх, задрал голову и держась за пряжку ремня. Сегодня от него шёл какой-то другой запах, смесь родного отцовского с чем-то иным, острым, мужским. Одеколон, кожа, вакса. – Я хотел тебе набрать мешочек земли во дворе. Вроде так надо, но я не понял зачем. Витька сказал, что это для того, чтобы, когда хоронили в чужой стороне, высыпали эту горсть родной земли на могилу погибшего воина. А я не хочу, чтобы тебя хоронили...

– Не беспокойся, сын, – Владимир смотрел в глаза мальчика, где уже блестели капельки детского отчаяния. – Земля родная нужна для того, чтобы ощущать силу и поддержку родины в трудную минуту. Я уже сам завязал себе горсточку в платок...

В коридоре появились мама и Маришка. Девочка шурилась спросонья:

– Папа, ты ещё не уехал?! – она кинулась к отцу, прижалась к ноге. – Фу, сем так пахнет?!

Коля оттянул сестру к себе, усадил рядом на лавочку:

– Папа, начистил сапоги, смотри: как блестят, видишь – зайчик отражается?

– Гу-та-ли-нам? – Маришка только-только стала хорошо говорить, и ей самой очень нравилось произносить сложные слова.

– Мариша, – отец присел перед девчушкой на колени, откинул у неё со лба непослушные кудряшки. – Меня не будет долго. Слушайся маму и Колю. На обоях и мебели больше не рисуй! Руки мой и кашу ешь...

– Халасо, папоська, абесяю!

Отец обнял и поцеловал детей. Пришла очередь мамы.

– Ну, Катёнок, не хандри, – одной рукой он обнял жену за талию, другой гладил волосы, Екатерина положила голову ему на грудь, и сцепила руки на спине. – Всё уже обговорили. С матерью не ругайтесь, особо прошу тебя. Ей тоже нелегко, ты с детьми, а она вообще одна. Колька пусть хоть иногда её навещает что ли. На связь выходить буду по возможности, сама понимаешь. Детей береги. Ну, мне пора. Присядем на дорожку.

Они уселись рядом, взволнованные и потерянные, недосказанность ощущал каждый, но слова сейчас не складывались. Только Маришка не понимала настроения родных.

– А посему...

– Тихо, надо помолчать минутку!

– А засем?

– Доченька, беги: нарисуй мне картинку красивую, когда я вернусь, ты мне подаришь...

– Халасо, папоська, сяс налисую, пока-пока!

Девочка убежала. А взрослые обнялись так, как, наверное, никогда не обнимались. Коля обхватил отца за ремень и прижался к нему сзади.

– Может быть, мы всё-таки тебя проводим?

– Катя, обсуждали уже! Долгие проводы – лишние слёзы. Да, и некогда мне будет с вами прощаться, я уже там командование принимаю. Всё! Пока!

Он забросил вещмешок за спину. Обернулся. Посмотрел в глаза сыну. Жене. Поклонился в пояс. И резко вышел за дверь. Остался только запах.

Коля опустился перед дверью на колени, прижался к ней лбом и тихонько заплакал.

Мать не стала его успокаивать, она ушла в комнату, где, ссутулившись, села на диван и опустила руки, бессмысленно уставившись в одну точку.

«Кукушка» один раз прокуковала.

Екатеринбург, 2014 г.

Капучино с корицей

Алексей любил капучино именно с корицей. Пряность наполняла нежный напиток какими-то особенно приятными нотками, делала кофейную горчинку по-особенному благородной. Однако сердечка на белой молочной шапке он увидеть не ожидал: «Это какой-то московский изыск что ли? Я – мужчина, официант – мужик, бармен – мужик. Что за намёки?!».

Заселившись в номер и отобедав в ресторане при гостинице, Алексей решил выпить любимого напитка в баре возле ресепшена да придумать, чем заняться вечером. Все дела – завтра. Сегодня можно выпить-закусить в ресторане, с кем-нибудь познакомиться-замутить. В прошлую командировку получилось очень даже удачно и приятно. Главное, чтобы она тоже была командировочной, а значит, в Москву соваться незачем, надо искать в баре или ресторане при гостинице.

– Алексей? Алёша?! Ты!

Пока он пялился на сердечко из корицы на молочной пенке да задумывал интрижку, перед ним остановилась девушка. Стояла, смотрела и улыбалась. Окликнутый, он вскинул взор и обомлел:

– Юля?! Ты? Здесь!

– Боже! Боже! Боже! Лёшечка, родной! – Она защебетала и, как бабочка, замахала ладошками от радости, а маленькая сумочка, словно маятник метронома, бешено закачалась на локтевом сгибе. – Как здорово! Вот так встреча!

– Привет! – Он встал стремительно. Обнялись. Поцеловались в щёчки. – Садись. Ты тоже поселилась в этой гостинице? Кофе будешь?

– Да, можно!

– Официант, ещё одну чашку, пожалуйста!

– Лёшка, я не верю своим глазам! Сколько ж лет мы не виделись? – Она была искренне рада видеть его. Глаза сияли, улыбка не сходила с её красивых алых губ.

– Дак, с окончания универа. Ты же осталась в Екатеринбурге, а я уехал домой – в Киров. Почитай лет десять прошло, – официант принес ещё одну чашку, и Алексей про себя с облегчением отметил, что и в ней было сердечко. Значит, так принято в этом заведении.

– Ну, классно! И ты в Кирове всё это время? Как там: утки всё также на пруду? Видел кого из наших? – Юля засыпала его вопросами. Её переполняли эмоции, это было видно.

– Утки? Да полным полно. Странно, что ты их вспомнила. Видел многих, весной была встреча выпускников. Тебя как раз вспоминали. Ты как здесь-то? В командировке?

– Да, ездила на собеседование. Зовут работать сюда. В «Вести» на утренние эфиры. Давно зовут. Я в своё время выиграла престижный конкурс – «Тэффи» называется (может, слышал?). Да муж против был. А сейчас вроде и сам в сторону Москвы смотрит, так что вот приезжала утрясать все нюансы.

– Круто, – Алексей был реально впечатлён таким карьерным успехом одноклассницы. – Значит, скоро тебя буду по телевизору смотреть?

– Ага, каждое утро!

– Слушай, а ты куда шла-то, когда меня увидела, – кофе был выпит, да и эмоциональность момента не давала покоя, на месте не сиделось.

– Погулять. Тут парк Измайловский под боком, водоём какой-то. Там ещё башенки деревянные из окна видно, что-то в стиле деревянного зодчества. В Москве такая чудесная золотая осень. Грех сидеть в номере. Да и день для меня супер эмоциональный. Всё получилось! Не могу сидеть на месте.

– Ну, так я с тобой! Там «Вернисаж», Покровский собор есть, а в парке – Серебряно-Виноградные пруды. Хороший у тебя вид из окна, а у меня – на метро. Если ты не против, конечно!

– Что ты, Алёша! Я, правда, так рада видеть тебя! Мне улётать завтра. Как здорово, что мы встретились.

– И я сегодня абсолютно свободен! Все дела тоже завтра. Так что позволь уж сопроводить!

Рассчитавшись с официантом, безмятежно щебеча, они вышли из гостиницы.

Судьбе было угодно так разместить на небе звёзды, чтобы эти два человека сегодня встретились. Они были знакомы всегда, всю свою жизнь. Вместе ходили в одну группу в детский садик, жили в соседних домах, играли в одном дворе. В школе в первом классе их усадили за одну парту и так они просидели восемь лет. Потом пришло взросление и созревание, а с ним и стеснение. Такая обычная и привычная Юлька стала вдруг предметом тайного вздыхания. А он – нет.

В сумраке дискотеки в школьном спортзале он осмелился однажды пригласить её на медленный танец. А для неё это было так естественно, и весь танец она выпрашивала про его приятеля Витьку Соболева.

А на общей выпускной фотографии их фото в овальчиках поместили рядом. Причём по центру. Её фото замыкало ряд с поворотом головы направо, его фото – с поворотом налево. Так что они как бы смотрели друг на друга.

И поступили они в один вуз, только на разные факультеты. Юля – на Журналистику, Алексей же выбрал Исторический. Жили во время учёбы в соседних корпусах общежитий: так что нет-нет, да и встречались.

А потом провал на целых десять лет!

Сегодня им было о чём поговорить, что рассказать друг другу, гуляя, держась под руку по аллеям Измайловского парка. Пожалуй, такую встречу специально не придумаешь и не распланируешь. Такое может только судьба!

А осень и вправду была золотая. На чистом голубом небе – не по-осеннему пригревающее солнце. Деревья уже потеряли зелёный пигмент листвы, но сбрасывать убранство начали только-только. Поэтому и под ногами нежно шелестел жёлтый ковёр, и глаз радовался волшебному буйству осенних красок. До голого бесстыдства парку было ещё далеко.

На пруду плавали утки, и Юля расстроилась, что ей не чем их покормить:

– А помнишь, в одиннадцатом классе мы встретились возле пруда?

– Да, ты стояла очень грустная.

– А ты шёл с хлебом домой. И мы весь его скормили уткам. А тебя потом мать наругала.

– Помню...

Периодически отвлекаясь на воспоминания из детства, они гуляли не спеша, раскрывая друг другу последние 10 лет жизни. Юля начала работать на телевидении в Екатеринбурге еще учась на втором курсе, постепенно из репортёра преобразовалась в ведущую новостей. Зритель её любил. Победы в многочисленных конкурсах давали удовлетворение и веру в свои силы. Мужа она обрела сразу после получения статуса дипломированного специалиста. Он присылал ей цветы на студию, а потом осмелился пригласить на свидание. Супруг занимается торговлей, своё предприятие. Не шибко крутое, но хватает. У них двое мальчишек – Алексей (старший) и Витя (младшенький). Младший в этом году тоже пошёл в школу.

– Молодец! А ведь ты совсем не изменилась, – мягко улыбаясь, сказал Алексей. – И не скажешь, что двух детей родила. Всё та же стройность, всё те же изумрудные глаза. Да, и причёска в стиле Мирей Матье, по-моему, у тебя класса с восьмого не меняется.

– Моя причёска – моя изюминка, как говорят стилисты, – ничуть не смущаясь, ответила бывшая одноклассница и современная теледива. – А вот ты изменился, Лёшенька. Какой-то

ты стал возмужалый. Плечи такие мощные, мускулы ощущаются под одеждой. И лицо! Такое – загорелое, обветренное, мужественное. Знаешь, такое как у героев Джека Лондона – у старателей, золотоискателей.

– Почти угадала.

– Да, ладно! – воскликнула она.

– Ну, не на золотых приисках, конечно, тружусь, но тоже копаем.

– Не поняла, что капаешь, Лёша, – её глаза выказывали удивление и заинтересованность. – Ты же исторический закончил.

– Ну, вот по профессии и копаем, – усмехнулся друг детства. – Вы – журналисты – таких как я «чёрными копателями» называете. Ездим с парнями по заброшенным деревням, их, как ты понимаешь, у нас в Вятской губернии хватает. Собираем старину, антиквариат. А где от деревни ничего не осталось, одни поля заросшие, там с помощью металлоискателей ищем-копаем. Находим монеты в основном. На торговле этой «историей» и живём.

– Ни чего себе жизнь распорядилась! Так ты – антиквар! – воскликнула Юля.

– Ну, ради приличия, можно и так сказать.

– А в Москву ты тоже по антикварным делам приехал?

– Ну, да привёз недавно в ГИМ монету одну очень редкую на экспертизу. Завтра должны выдать заключение.

– Как интересно! А что такое ГИМ?

– Государственный исторический музей. Уважаемая организация, с их заключением цена на монету в разы выше будет. Вот завтра поеду: заберу монету, заключение и – на МЯУ, – поймав удивлённый взгляд, Алексей поспешил объяснить, – Московская Ярмарка Увлечений, там коллекционеры собираются, хотя по большей части перекупщики, конечно. Хочешь, возьму тебя с собой.

– Ой, жаль, но у меня самолёт утром. Я и так приехала на три дня, не знала точно в какой день и во сколько со мной встретится руководство.

– Да, и не страшно, – Алексей был несколько расстроен, но виду не показывал. – На самом деле это не так интересно, как звучит.

День неумолимо скатился в закат, стало прохладно.

– Может, поужинаем? – предложил он.

– Здорово! Мы так хорошо прогулялись, и я ужасно проголодалась, – с готовностью согласилась Юля. – Да, и зябко что-то, я бы и выпила чего-нибудь согревающего и веселящего. Повод-то есть!

Неподалеку от гостиницы они обнаружили заведение, стилизованное под русский трактир: деревянное здание, с соответствующим выбором блюд и напитков, и оснащённое новодельной, но качественно исполненной под старину посудой. Они вкусно поужинали, обсуждая одноклассников и других общих знакомых. Юля воодушевилась «клюковкой» местного производства и слегка захмелела.

На выходе Алексей предложил подняться к нему в номер и выпить по рюмке превосходного арманьяка, специально припасённого обмыть завтрашнюю сделку. Но как настоящая дама Юля затребовала шампанского!

Купили, конечно, две бутылки, «чтобы не бегать».

Уже в номере Алексея, пригубив по глотку, они как-то разом замолчали. Горела лишь настольная лампа, да с улицы доносился свет фонарей. Он смотрел в бокал, как маленькие пузырьки стремятся к поверхности, а достигнув цели, взрываются микроскопическими брызгами. Она смотрела на него:

– О чём ты думаешь, Алёша?

– О твоих губах, – ответил он не сразу. – Я всегда мечтал их поцеловать...

Она ничуть не удивилась, а лишь тихонько кивнула, как бы отвечая сама себе, на какой-то только ей известный вопрос:

– Мечты должны сбываться, Алёша...

...Он полусидел-полулежал на кровати, закинув руку за голову, обнажая мощный торс. Она сидела в кресле с бокалом в руках, подобрав под себя ноги. Его бокал стоял пустым на прикроватной тумбочке. Она смотрела в окно. Он – на неё.

На Юле была только рубашка Алексея, да и то застёгнутая небрежно и чисто символически. Так что в вырез была видна нежная соблазнительная грудь, которую сегодня ночью он позволил себе ласкать.

Они насыщались друг другом всю ночь. Осторожно, нежно и трепетно. Он брал её, как нечто очень хрупкое и дорогое, что при любом неосторожном движении может выпасть и невозвратно разбиться на мелкие осколки.

Они любили друг друга всю ночь. Просветы их близости были настолько неуловимо коротки, что могло показаться, будто эти мужчина и женщина стали единым целым, разделить которое не в состоянии ни одна сила природы.

Но вот теперь они снова молчали. За окном новый день предъявлял первые намёки на своё существование. Но этого хватало, чтобы в неосвещенном номере Алексей видел прекрасный силуэт Юли, соблазнительный вырез рубашки, свет её зелёных глаз. Она пила шампанское маленькими глоточками, глядя в окно, надолго замирая, что-то переживая внутри.

– Кхм, – нарушил он тишину.

– Что? – вздрогнула Юля. – О чём ты подумал?

– Я ощущаю себя сейчас героем песни Трофима, – улыбнулся он, пытаясь разрядить атмосферу. – «Я сегодня ночевал с девушкой любимой, без которой дальше жить просто не могу...».

Юля встала, взяв полупустую бутылку, подошла к кровати и наполнила бокал своему сегодняшнему любовнику. Шампанское выдохлось, и микровзрывов больше не происходило. Юля вернулась в кресло, вновь уютно устроилась, подобрав красивые голые ноги, и лишь потом ответила:

– Сможешь, Лёшечка, сможешь...

Разрядка не удалась. Он отхлебнул выдохшегося вина:

– И как дальше? Мы увидимся ещё?

– Увидимся? Наверное. Помнишь, как в школе говорили? «Земля круглая – за углом встретимся». Так что жизнь длинная, может быть снова через десять лет...

– Да, буду смотреть тебя по телевизору.

Алексею показалось, что глаза Юли блеснули. Но она, одним глотком допив вино, решительно встала и стала собирать свои разбросанные как попало вещи:

– Мне пора, Алёша, скоро за мной придёт машина и отвезёт в Домодедово. А надо ещё себя в порядок привести, собраться, номер сдать.

– Я провожу?

– Нет, не усложняй!

Юля скрылась в ванной. Алексей тоже поднялся, натянул джинсы, зажёл свет торшера.

Она не заставила себя ждать:

– Ну, вот и всё, Алёша! Пока! – Она поцеловала его в щёку ровно так же, как целовала вчера днём в кафе: как старого хорошего друга, с которым связывают какие-то давние общие воспоминания.

– Береги себя, – очень грустно сказал он.

Уже было развернувшись к дверям, Юля вдруг остановилась, и, повернувшись, в глаза Алексею сказала:

– А знаешь, ведь всё у нас с тобой могло быть! И я бы сейчас воспитывала твоих сыновей!

– Что ты... хочешь сказать, – голос вдруг отказал мужчине.

– На первом курсе – Новый год. Помнишь? Ты пришёл ко мне в общежитие. Поздравил, подарил шоколадку, – такое ощущение, будто то, что сейчас говорила Юля, она сказать давно хотела, но опасалась. Поэтому сейчас говорила быстро, собравшись духом: так, как говорят лишь признания или обвинения. – Обещал вечером зайти, но не зашёл. А ведь ты единственный был, кто поздравил меня с Новым годом в тот раз! Родители не прислали телеграмму, соседки по комнате разъехались. Я одна. В общежитии. В чужом городе. В Новый год. Если бы ты зашёл! Я готова была для тебя на всё тогда, Лёшенька!

И, резко развернувшись, Юля вышла. Алексей остался стоять перед закрытой дверью. Он мгновенно и прекрасно вспомнил тот Новый год на первом курсе, вспомнил даже сорт шоколада, который подарил Юльке. Обещал зайти? Обещал. Но, захмелев, уснул в объятия такой же пьяной толстой бабищи с четвёртого курса. А она, значит, сидела одна в соседнем здании, ждала и плакала... Да! Всё могло быть. Всё могло быть совсем по-другому...

Никуда он в тот день не поехал. Сначала сидел на подоконнике, допивая выдохшееся вино. Потом открыл вторую невостробованную ночью бутылку.

Погода за окном не добавляла оптимизма. Вместо вчерашнего буйства красок и сияния небес – серая хмарь, порывистый ветер, мелкий беспросветный дождь. Так часто бывает осенью.

После шампанского очередь дошла до мини-бара. Вперемешку вход пошли миньоны с водкой, бренди, виски, заливаемые баночками пива, фанты и колы.

Он валялся в джинсах на кровати, периодически проваливаясь в забытье, и выплывал оттуда только по нужде и чтобы влить в себя порцию чего-нибудь алкогольного. Коллекционный арманьяк, приготовленный отпраздновать сделку, тоже («да, какого чёрта, какая разница, когда его пить!») был откупорен и стоял у кровати на расстоянии вытянутой руки.

Вечером его мощно полоскало...

...На следующее утро, очнувшись от дёрганого прерывистого сна, Алексей принял контрастный душ, тщательно выбрился и вычистил зубы. Вчерашнее возлияние ещё давало о себе знать. И хоть он больше суток ничего не ел, мысль о завтраке вызывала рвотные позывы. Но кофе выпить было надо.

Корицы в баре не оказалось. Капучино принесли с шоколадом: на белоснежной пенке крошки были насыпаны полосками, как у зебры. Слава богу, хоть белого преобладало.

*Екатеринбург-Заречный,
октябрь 2014.*

Свои планы у Господа

«Ну, почему она не может умереть? Просто взять и тихонечко помереть, как и положено богообразной старушке. Тихо-мирно. Отпоём, похороним честь по чести. Зачем она живёт? Для чего? Какую пользу и кому она может принести? Или Господь Бог в очередной раз проверяет меня на прочность?», – сказать, что Тимур был раздражён, – ничего не сказать...

...Настроение рухнуло сразу, как только он посмотрел утром в окно на «обильные осадки в виде снега». Учитывая, что с вечера крепко приморозило, а сейчас всё завалило, и валить не переставало, «отличная» дорога была обеспечена. Командировка, ещё не начавшись, стала проблематичной.

«Может не ехать никуда?», – шальная мысль промелькнула в голове. Но ехать надо было. Через неделю в соседнем городе Асбесте должна быть открыта новая точка их сети супермаркетов: нужно вздрючить ещё раз как следует рабочих, провести ряд собеседований с будущими сотрудниками...

...И вот сейчас Тимур сидел за рулём своей «боевой» (всю Свердловскую область на ней исколесил) «Нивы», и, сквозь не прекращавшие работу дворники, всматривался в дорогу. А мыслями был в ином месте. С чего он вообще стал об этом думать? Тимур начал отматывать назад ленту памяти: данная мысль пришла в голову после этой, а эта возникла после той, а та – после... Он частенько так делал: сей метод позволял упорядочивать поток сознания, выстраивать логику своих мыслей и поступков, производить чёткий анализ.

Итак: он вышел из дома уже раздражённый непогодой и необходимостью ехать в Асбест, хоть дорога и была потенциально аховой. На стоянке Тимур очищал машину от снега с помощью щётки и скребка, и всё ещё размышлял: чтобы такое придумать для отмены поездки. «Никогда не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня!», – так учила его в детстве бабушка.

«Вот оно! Вот откуда я её вспомнил!», – отыскав начало в логической цепочке, Тимур удовлетворённо прихлопнул ладонями по рулю.

Дальше (после стоянки) всё шло по нарастающей: и раздражение, и мысли. Он выехал со двора, двинулся в сторону объездной, но упёрся в могучую пробку. Вероятно, ДТП. Пришлось разворачиваться и ехать более долгим маршрутом. И когда Тимур выбрался на трассу, он был вымотан ездой по городу до предела: на каждом пятом перекрёстке на аварийках стояли, раскорячившись, те, кто сегодня уже отъездился.

И ещё бабушка не выходила из головы!

Отца у Тимура не было. Поначалу он спрашивал о нём у матери, та отмалчивалась, а потом, с возрастом, ему стало без разницы. Мама же работала врачом в больнице: часто – в ночную смену, и ещё иногда брала дополнительные часы, чтобы не просто прокормить, но и одеть-обуть, и обучить сына. Воспитывала Тимура бабушка.

Деда у него тоже почему-то не было, и, поскольку мать работала по ночам, бабушка переехала к ним, а свою однокомнатную квартирку сдавала студентам. Всё приварок!

Так что детство мальчик провёл бок о бок с бабушкой. Она водила его в садик, а потом в школу и бассейн. Они жили в одной комнате. Она помогала ему делать уроки, научила играть в домино, лото и «девятку», раскладывать пасьянс. Пробовала научить вязать, но Тимур смог как-то отбрыкаться от этого умения. Летом они вместе жили на даче, ходили за грибами и ягодами.

Но парень рос, взрослел. Природу не обманешь: половое созревание неизбежно. Вначале он стал закрываться в ванной, потом стал стесняться переодеваться при бабушке, друзей домой водить тоже не хотел, опасаясь насмешек с их стороны. Это его угнетало.

Мама всё поняла. Однажды (Тимуру тогда было лет четырнадцать), когда он пришёл домой, мать с бабушкой о чём-то на повышенных тонах говорили за закрытыми дверями на кухне. Бабушка резюмировала: «Жизнь отдала ему! А теперь мешаю, видите ли!». Вышли они обе раскрасневшиеся, отводя глаза. А на завтра бабушка съехала на свою квартиру.

Тимур ликовал. Свобода! Целая комната в его распоряжении! Можно и плакаты повесить, и колонки на полную громкость включать, и друзей привести, да и не только друзей.

А вот в отношениях с бабушкой произошёл надлом. Приезжать она к ним стала крайне редко, больше он к ней ездил. Но тогда его это мало трогало. Вернее сказать, Тимур не придавал этому особого значения. Да, и удивительно ли? Последние годы учёбы в школе – самые увлекательные, появилась постоянная компания, девчонки, танцы и всё такое. Первая любовь – неразделённая! Потом поступление в университет, учёба и сопутствующая студенческая жизнь. Практика. Стройотряд. Любовь настоящая – взаимная!

Встречи с бабушкой стали редки и скоротечны, всё больше по телефону.

Потом женитьба и рождение Егорки.

Узнав, что родился мальчик, а не девочка, бабушка как-то неадекватно отреагировала: «Чего хорошего в этих мальчиках? Будешь его холить и лелеять, а он потом уйдёт – выкормыш – своей жизнью жить! Никакой благодарности!». Тимур тогда сильно оскорбился, хоть и не сказал ничего старой. Обида жгла, порождая неприязнь. Разрыв в отношениях разросся неимоверно.

А потом случился у неё инсульт, который она перенесла вроде бы легко, да только провалы в памяти начались, заговариваться стала, видения посещали. Обида не обида, а помогать родному человеку надо! Тимур с мамой по очереди ездили к бабушке, возили продукты и готовую еду, прибирали квартиру, стирали.

Он видел: бабушка, что называется, «тихонько тронулась» рассудком. Она стала прятать документы и деньги, потом в истерике их искать, переворачивая всё вверх дном, выбрасывая вещи из шкафов и тумбочек. Она стала разговаривать с телевизором (причем, с выключенным). Но это было вспышками. В основном же была обычной тихой старушкой, которая смотрела сериалы и вязала носки (потом распускала и снова вязала).

Но однажды Тимура остановила соседка:

– Вы не возите ей готовую еду, – сказала она. – Бабушка твоя всё, что привозите, у крыльца подъезда собакам и кошкам вываливает.

– Зачем? – Тимур даже опешил: всю еду он покупал на свои деньги, ни копейки из её пенсии не брал.

– Она говорит, что ты её отравить хочешь! Квартира тебе её нужна, мол, ты с сыном снимаешь жильё, а к ней переезжать не хочешь. Мешает она тебе жить, – открыла глаза Тимуру бабушкина соседка.

Квартира к тому времени у Тимура была своя трёхкомнатная, хоть и в ипотеку, но своя. Ему было неприятно всё это слышать и осознавать, что его старания и труды вываливались бездомным блохастым кошкам.

Дальше становилось только хуже. По словам бабушки, которые она вносила в уши соседок-старушек во дворе, Тимур «воровал у неё деньги», «хотел отобрать у неё квартиру», «прятал паспорт», «утаивал квитанции за квартплату», «приходил по ночам с друзьями пить водку», «приводил проститутку», «пытался увезти её в дом престарелых» и так далее, и тому подобное. Благо люди осознавали, что старушка не адекватна. Хотя до того, как это понимание пришло, Тимур не раз ловил злобные осуждающие взгляды в свою сторону.

А после дня, когда ему позвонил участковый (Тимур с семьёй как раз отдыхал в Турции) и попросил прийти дать объяснения по поводу проникновения сегодня ночью в квартиру бабушки, он зарёкся больше к ней ездить.

Мама его поняла (каждый визит внука становился толчком к обострению у старушки), и взвалила груз ответственности за пожилого человека на себя. Лишь изредка она рассказывала о новых порциях обвинений в его адрес со стороны некогда самого родного человека. Вот на днях, к примеру, участковый отказался принимать у неё заявление о том, что Тимур над ней (даже подумать мерзко!) сексуально надругался. Участкового, понятное дело, «внучок подкупил»!

Вот всё это вертелось сейчас в голове у Тимура, пробирающегося на машине под сильным снегопадом по тюменской трассе в сторону Асбеста.

«Ну, к чему она живёт? Господи, грешно, конечно, но почему ты не приберёшь её? – думал он. – Она прожила хорошую длинную жизнь. Сложную, непростую, но насыщенную. В детстве – война. Сложные послевоенные годы. Одна растила дочь. Меня воспитала. Ветеран труда. Заслуженный работник и всё такое. Разве она не заслужила покой?».

Поглощённый своими мыслями настолько, что не замечал местами опрокинутых в кюветах машин, Тимур прибавлял скорость. Ему хотелось скорее добраться до конечной цели путешествия, отвлечься от тяжёлых раздумий. За городом снегопад оказался ещё мощнее: сосны стояли покрытые белыми покрывалами, склоняя могучие ветви к близости с подлеском, берёзы в снежно-пуховой шали, стремительно растущие сугробы.

Вот поворот на объездную бетонную дорогу, по ней можно срезать километров тридцать.

«Я не хочу ни видеть, ни слышать её. Она меня ненавидит, считает, что хочу убить её и завладеть квартирой. Так, зачем, Господи, всё это тебе нужно?!», – на «бетонке» Тимур скорость снизил слегка: плохая видимость усугублялась крутыми лесными поворотами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.